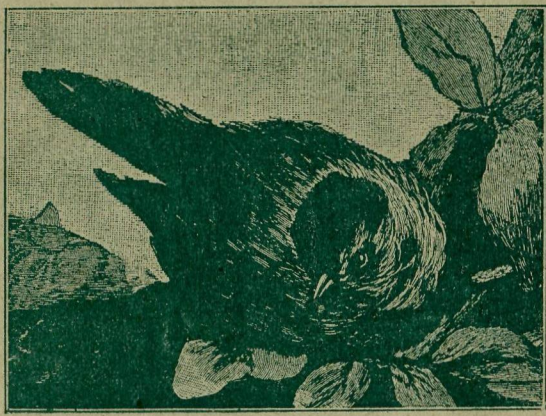

Г. БИЧЕРЪ-СТОУ

ЛЕТУНЪ

ИЗДАНИЕ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ

Цѣна 15 коп.

ЛЕТУНЪ

РАЗСКАЗЪ

ГАРРИЭТЫ БИЧЕРЪ-СТОУ

Автора «Хижины дяди Тома»

ИЗДАНИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. ОБОЛЬСЬ
• СПБУРЪ • МОСКВА •

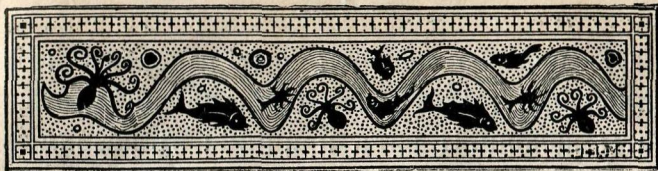

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФИИ
Т-ЕА М-О-ВОЛКОВЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ. БАС-РОСТЪ ИВАННИСЪ СОН ДАМЪ

[Handwritten signature]

102

102

ПОДЪ окномъ одного хорошенькаго домика росла большая, старая яблоня. Къ веснѣ она покрывалась тысячами розовыхъ цвѣтковь, а къ осени на ней было чуть-ли не вполовину столько-же красныхъ яблокъ.

Въ домикѣ находилась маленькая, оклеенная зелеными обоями, дѣтская, на окнѣ которой висѣла бѣлая кисейная занавѣска. Сюда то хаживали, обыкновенно, каждое утро пять маленькихъ дѣтей одѣваться и причесывать свои волосы. То были: Алиса и Мари, быстроглазья, смѣющіяся дѣвочки отъ 7 до 8 лѣтъ; потомъ—Джами и Чарли, два крѣпкихъ мальчугана и, наконецъ, крошка Лена, которую называли и утенкомъ, и птичкой, и всякимъ другимъ ласкательнымъ именемъ, какое только приходило на умъ.

Съ недѣлю уже эти пять головокъ выглядывали вмѣстѣ изъ окна на цвѣтистые кусты яблони. И вотъ причина: въ развилкѣ одной изъ вѣтвей яблони, которая шла прямо подъ самымъ окномъ, двѣ красношейки начали вить гнѣздо. За этой-то постройкой гнѣзда и надзирали изо дня въ день пять паръ блестящихъ глазокъ дѣтей. Птички сначала, казалось, робѣли; но познакомясь покороче съ пятью торчащими въ окнѣ кудрявыми головками, стали такъ-же мало обращать на нихъ вниманія, какъ на цвѣтки яблони, или растущія подъ нею незабудки.

Всѣ дѣти очень усердствовали въ подачѣ птичкамъ помощи. Одинъ кидаль вату. (Мы съ грустью должны признаться, что это былъ Чарли. Для того, чтобъ достать ваты, онъ сдѣлалъ порядочную дыру въ своемъ стеганомъ одѣялѣ). Другой бросалъ спутанные нитки шерсти, а Алиса распустила даже свои подвязки и тоже выкинула ихъ, въ видѣ подарка птичкамъ. И всѣ дѣти ликовали, видя съ какимъ искусствомъ маленькіе строители свивали себѣ изъ всякой всячины гнѣздо.

Когда, наконецъ, постройка гнѣзда была

окончена, оно вышло такое красивенькое и сдѣлано было такъ мастерски, что дѣти, всѣ до одинаго, приходили отъ него въ великій восторгъ и называли его ужъ не иначе, какъ „нашимъ гнѣздышкомъ“, а двухъ красношеекъ — „нашими пичужечками“. Но какъ велика была радость дѣтей, когда, отворивъ однажды утромъ окно, они замѣтили въ гнѣздѣ маленькое блѣднозеленое яичко! И радость эта увеличивалась съ каждымъ днемъ, потому что въ гнѣздѣ ежедневно прибавлялось новое яичко. Такимъ образомъ въ гнѣздо положено было пять яицъ.

— Вотъ, видите, въ гнѣздѣ пять яичекъ, — проговорила внушительно Алечка. — Какъ хорошо: теперь у насъ у всякаго по яичку, а послѣ у cadaго будетъ своя птичка.

При такомъ объясненіи всѣ дѣти запрыгали отъ радости и захлопали ручонками.

Положивъ всѣ яйца, птичка начала сидѣть на нихъ. И во всякое время дня или ночи, когда изъ окна выглядывалъ кто-нибудь изъ дѣтей, они могли видѣть пару круглыхъ блестящихъ глазъ птички, терпѣливо выжидавшей появленія на свѣтъ сво-

его племени. Но для дѣтей такое ожиданіе казалось ужъ слишкомъ продолжительнымъ.

— Ну что-же это она такъ долго насиживаетъ,—проговорилъ нетерпѣливо Чарли.— Я и не думаю даже, чтобы она высидѣла что-нибудь.

— Нѣтъ, высидитъ, ужъ непременно высидитъ. Вотъ увидишь!—отозвалась очень серьезно Алечка.—Ты, Чарли, ничего въ этомъ не смыслишь. Для насиживания нужно много времени. Старикъ Саміонъ рассказывалъ, что у него куры по три недѣли сидятъ на яйцахъ. Вонъ сколько! Вѣдь это почти цѣлый мѣсяцъ.

Три недѣли казались дѣтямъ ужасно долгимъ временемъ. Чарли, однакожь, доказывалъ, что яйца у птичекъ несравненно меньше куриныхъ, а изъ этого утвердительно выводилъ, что и времени для ихъ насидки нужно гораздо меньше. Чарли вѣчно думалъ, что знаетъ очень многое, и такъ въ этомъ былъ увѣренъ, что принималъ на себя даже руководство дѣтьми. Но вотъ однажды утромъ, когда дѣти торопливо высунули изъ окна головки, птички ужъ не было въ гнѣздѣ; въ немъ,

казалось, не было ничего, кромѣ какого-то волосатаго комка.

— Ахъ, мама, мама!—вскрикнули въ одинъ голосъ дѣти.—Подите-ка, посмотрите: вѣдь птичка-то наша улетѣла и свое гнѣздышко оставила!

Но они скоро замѣтили, что въ гнѣздѣ вдругъ раскрылось пять маленькихъ, широкихъ, красныхъ ротиковъ, и разсмотрѣли, что волосяный комокъ шерсти представлялъ цѣлый птичій выводокъ.

— Ахъ, какія страшныя!—визгливо вскричала крошка Лена.—Я и не знала, что маленькія птички бываютъ сначала такими гадкими!

— А посмотрите, ротики-то какъ онѣ страшно разѣваютъ!—съ видомъ изумленія замѣтилъ Чарли.

— Мы сами будемъ ихъ кормить!—произнесъ торжественно Джами.

— Нѣтъ, Джами,—вмѣшалась подошедшая къ окну мама,—мы хорошенько не знаемъ, какъ и чѣмъ кормить еще не оперившихся птичекъ. Мы лучше предоставимъ это ихъ папѣ и мамѣ, которые, вѣроятно, поднялись еще до зари, чтобы достать имъ что-нибудь позавтракать.

И въ самомъ дѣлѣ, пока шель этотъ разговоръ, птички вернулись и стали кружиться около яблони. Но тутъ разомъ открылись пять ротиковъ, и въ каждый ротикъ птицы положили что-то.

Послѣ этого любимѣйшей забавой дѣтей было ежедневно наблюдать за питаніемъ маленькихъ птенцовъ и подмѣчать, какъ мать, накормивъ дѣтей, усаживалась въ гнѣздѣ на цѣлый выводокъ и согрѣвала его подъ своими крыльями, а отецъ, въ это время, садился на самую верхушку яблони и пѣлъ имъ. Между тѣмъ молодыя птички росли, и, вмѣсто гнѣзда, наполненнаго маленькими, красными ртами, было уже полное гнѣздо маленькихъ птичекъ съ круглыми, блестящими, хитрыми глазками, точь-въ-точь какъ у ихъ родителей.

Дѣти очень часто заводили между собой разговоръ о „своихъ“ птичкахъ.

— Я хочу „своей“ птичкѣ,—сказала Мари,—дать имя, и назову ее Сѣроглазкой.

— А я,—проговорилъ Чарли,—назову свою Залетнымъ. Навѣрное знаю—это будетъ передовая птица.

— А моя будетъ называться Пѣвуньей,—отозвалась Алечка.

— А моя Утеночкомъ,—сказала Лена, которая и сама носила такую же кличку и ни въ чемъ не хотѣла отстать отъ другихъ.

— Что до меня,—проговорилъ небрежно Джами,—я свою назову Крапчатымъ.

Такимъ образомъ всѣ молодыя птицы, нося каждая свое особое имя, получили и свои особые характеры. Сѣроглазка, Залетный, Пѣвунья, Утенокъ и Крапчатый, вырастая все больше и больше, составляли уже довольно тѣсное гнѣздо, и дѣти съ удивленіемъ замѣчали день-ото-дня, что птички ихъ не совсѣмъ-то мирно живутъ въ своемъ гнѣздѣ.

Залетный казался самымъ старшимъ и сильнымъ изъ всего выводка, а потому всегда тѣснилъ другихъ и всѣхъ громче требовалъ пищи. Когда-же мама-Красношейка прилетала съ какимъ-нибудь лакомымъ кусочкомъ, онъ такъ широко разѣввалъ свой красный ротъ, что иной счелъ-бы его въ гнѣздѣ за хозяина. Мать старалась исправить его отъ прожорливости, нарочно иногда заставляя подождать, пока накормитъ остальныхъ, прежде чѣмъ набьетъ ему ротъ; но онъ обыкновенно жестоко мстилъ за себя въ ея отсутствіе: тѣснилъ всѣхъ другихъ и

причинялъ имъ большое безпокойство. Однакожъ, Крапчатый былъ тоже съ душкомъ и Залетному не спускалъ. Поэтому зачастую случались межъ ними и горячія схватки, къ ужасной тревогѣ всего гнѣзда. Въ особенности это не нравилось бѣдняжкѣ Сѣроглазкѣ. Она была птичка тихая, нѣжнаго сложенія, и каждый разъ въ испугѣ мигала глазками, или щурилась, когда братья ея заводили ссору, всегда кончавшуюся дракой. Что-же касается до ея сестеръ, Уточки и Пѣвуньи, то, обнаруживая въ совершенствѣ наклонность женскаго пола къ тараторству, онѣ безъ устали укоряли братьевъ за дурное поведеніе, а это постоянно дѣлало оживленнымъ цѣлое гнѣздо.

Неудивительно послѣ этого, что Красношейки не особенно были довольны своимъ гнѣздомъ.

— Говорю вамъ,—сказалъ однажды Залетный своему папа и своей мама,—что это старое гнѣздо—гадкая тюрьма, биткомъ набитая. Давно-бы ужъ пора кому-нибудь изъ насъ отсюда выбраться. Давно пора научить насъ летать и пустить на волю.

— Погоди, душечка,—говорила мать-Красношейка,—и летать васъ научимъ, ко-

гда немножко покрѣпче будутъ ваши крылышки.

— Ну, ты еще молокососъ,—отозвался сурово папа.—Научись прежде быть добрымъ и послушнымъ и терпѣливо выжидай, пока вырастутъ въ крыльяхъ перья; тогда и лети куда захочешь.

— Ждать перьевъ!—вскричалъ заносчиво Залетный, когда папа и мама улетѣли.— Вотъ нелѣпость-то!—продолжалъ онъ, балансируя на краю гнѣзда своимъ короткимъ хвостомъ и посматривая то внизъ, на траву, сквозь зеленую листву яблони, то вверхъ, на голубыя облака.—Папа и мама замѣтно устарѣли. Какія узкія понятія! Но если они упираются и не хотятъ одобрить моего твердаго намѣренія, я возьмусь за дѣло самъ и отсюда улечу. Взгляните, вонъ, какъ ласточки-то кружатся въ синемъ небѣ! Что за раздолье. И я давно такіе-же долженъ-бы былъ дѣлать полеты!

— Но, милый братъ,—кратко замѣтила Уточка,—мы должны стараться быть добрыми и послушными, пока еще малы и должны подождать, пока папа и мама найдутъ для насъ лучшимъ сдѣлать начало.

— Это еще что за проповѣдница! Ну, что вы, дѣвчонки, смыслите въ летаньѣ?

— Да, я думаю, столько-же, сколько и мы съ тобой,—возразилъ Крапчатый съ досадой.—Впрочемъ, мнѣ, право, мало горя, если ты отъ насъ уберешься. Вѣдь ты—хапуга: и ѣшь, и захватываешь мѣста больше, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ.

— Говорите, Крапчатый, да не заговаривайтесь, а то вамъ такъ достанется, что не совсѣмъ-то будетъ по праву,—проговорилъ презрительно Залетный, все еще въ горделивой позѣ съ видомъ рыцаря стоя на краю гнѣзда и поднявъ воинственно короткій свой хвостъ.

— Ахъ, вы, негодныя!—зачирикала, порхая надъ гнѣздомъ, недовольная мама.— Неужели никогда не научу я васъ жить въ мирѣ и любви?

— Это, мама, все Залетный начинаетъ!—запищаль въ одинъ голосъ весь выводокъ.

— Ну, конечно, только одинъ я виноватъ. Какая гадость въ гнѣздѣ ни сдѣлается— все на меня валять. Я уступилъ имъ свое мѣсто и никого не тѣсню. Сами видите, мама, сижу снаружи гнѣзда, на самомъ

краешкѣ, а мое мѣсто захватилъ, вонъ, Крапчатый.

— Можете занять его, если угодно,—отозвался довольно рѣзко Крапчатый.

— Голубчикъ мой! Будь умникъ, посиди, пожалуйста, въ гнѣздѣ подольше и, повѣрь матери, ты будешь счастливъ,—убѣждала мама своевольнаго птенца.

— Вы вѣчно, мама, толкуете все одно и то же. Я ужъ, кажется, достаточно выросъ, чтобъ не сидѣть въ вашемъ гнѣздѣ и желаю видѣть свѣтъ. Я знаю, какихъ онъ полонъ прелестей. Да вотъ даже сюда, подъ дерево, каждый день заглядываетъ премиленькій звѣречекъ, съ такими свѣтлыми глазками! И какъ, мама, мнѣ кажется, ему хочется, чтобъ я слетѣлъ на травку поиграть съ нимъ.

— Ахъ, милый, какія страсти говоришь ты!—вскрикнула испуганная мать.—Вѣдь этотъ звѣречекъ, на видъ такой умильный—нашъ страшный врагъ, кошка, ужасное чудовище съ зубами и когтями!

При этихъ словахъ, молодыя птички, трепеща отъ страха, такъ прижались въ гнѣздѣ, что ихъ не стало видно. Одинъ Залетный ничему не вѣрилъ.

— Все вздоръ, — разсуждалъ онъ. — Я не такъ глупъ, чтобъ слушать эти сказки. Мать только сердить меня. Но я покажу ей, что могу и самъ о себѣ позаботиться.

II.

На слѣдующее утро, когда папа и мама отправились на промысль, Залетный снова появился на краю гнѣзда. Онъ скоро замѣтилъ подъ деревомъ между маргаритками милую кошечку Кису, отиравшую себѣ личико; шерстка на ней блестѣла и была бѣла, какъ маргаритки; желтые ея глазки взглядывали такъ умильно, что любо было по-смотреть. Она подняла наверхъ чарующій взглядъ и сладостно проговорила:

— О, мои крошечки! Спуститесь ко мнѣ на травку! Кисѣ хочется поиграть съ вами, милыя!

— Вы только посмотрите на нее, — проговорилъ, восторгаясь, Залетный. — Глазкито, глазки какіе! Словно изъ золота!

— Не смотри туда, не смотри! — запищала Пѣвунья. — Она тебя проворожитъ, а потомъ и съѣстъ.

— Хотѣлось-бы мнѣ посмотреть на та-

кую попытку,—проговорилъ Залетный, балансируя хвостомъ на краю гнѣзда.—Да вы взгляните только въ нее хорошенько; вѣдь это самое милое, самое невинное созданье и желаетъ только пошутить съ нами, позабавиться. Вѣдь въ этомъ отвратительномъ гнѣздѣ мы никогда не видали никакого развлечения!

Тутъ желтые глазки внизу снова испустили на Залетнаго чарующій свѣтъ и снова серебристый голосокъ зазвучалъ сладостно:

— Спуститесь-же, душки, милочки, поиграть на травкѣ съ Кисой.

— А какія у ней бѣлыя, пушистыя лапочки и ужъ вѣрно мягки, словно бархатъ,—говорилъ въ восторгѣ Залетный.—Ну, посмотрите сами, ну можно-ли повѣрить, что она съ когтями?

— Не ходи къ ней, не ходи!—вскричали со страхомъ обѣ сестры.

Спустя минуту, изъ окна дѣтской раздался ужасный крикъ:

— Мама! мама! Залетный упалъ изъ гнѣзда, и его схватила кошка!

Кошка прыгнула въ сторону съ глупымъ Залетнымъ въ зубахъ, который испускалъ отчаянный пискъ, чувствуя острые ея зубы.

Злобная Киса вовсе не имѣла расположенія скушать его тотчасъ-же; она была намѣрена, какъ выразилась, поиграть съ нимъ и забралась для этого въ густой кустъ смородины, между тѣмъ какъ на поиски ея всѣ кудрявые головки разбѣжались вразсыпную по саду.

Видали-ль вы когда-нибудь, какъ кошка играетъ съ птичкой или мышкой? Она выпускаетъ ее изъ когтей и показываетъ видъ, какъ-будто не обращаетъ на нее никакого вниманія; но лишь только та сдѣлаетъ движеніе, чтобы бѣжать, какъ кошка снова бросается на свою жертву и снова мучаетъ и терзаетъ ее до тѣхъ поръ, пока ужъ больше не въ силахъ противиться желанью задушить ее и скушать. Я не могу сказать, зачѣмъ это она такъ дѣлаетъ; думаю, что таковъ уже у кошки нравъ и прибавлю, очень дурной нравъ, чтобъ заводить съ ней знакомство.

Джами поднялъ плачь на весь садъ, бѣгая всюду и заглядывая во всѣ углы, чтобы отыскать кошку и съ ней вмѣстѣ бѣдняжку Залетнаго.

Между тѣмъ, къ общему смятенію, папа и мама Красношейки, воротясь домой и

узнавъ о случившемся, подняли страшный пискъ и запорхали по саду; но скоро свѣтлые глазки матери открыли бѣднаго маленькаго сына подъ кустомъ смородины, гдѣ Киса завела съ нимъ очень оживленную игру, покатывая его отъ лапки къ лапкѣ. Красношейка спустилась на самый кустъ и стала отчаянно кричать о помощи, призывая дѣтей къ этому мѣсту.

Джами бросился подъ кустъ и, схвативъ кошку, въ зубахъ которой пищалъ злополучный Залетный, далъ ей два крѣпкихъ туза и заставилъ выпустить бѣднягу на волю. Залетный былъ еще живъ, но находился въ самомъ плачевномъ положеніи: половина перьевъ его была вырвана и переломлено одно крыло.

— Что-жъ теперь намъ съ нимъ дѣлать? Онъ умретъ, бѣдненькій, непременно умретъ!—говорили между собою дѣти.

— Надобно снова положить его въ гнѣздо,—сказала мама.—Мать его лучше насъ знаетъ, что нужно съ нимъ дѣлать.

Живо достали лѣстницу и съ ея помощью положили бѣднаго Залетнаго въ гнѣздо.

Наконецъ настало время, когда всѣ другія молодыя Красношейки, научившись ле-

8/11/11
тать, порхали всюду; только злополучный наш Залетный съ переломаннымъ крыломъ все еще оставался, заключенный въ гнѣздѣ. Когда увидѣли, что онъ долго еще будетъ не въ силахъ летать, Чарли вынулъ его изъ гнѣзда и пересадилъ въ клѣтку; потомъ самъ кормилъ его каждый день и нерѣдко вынималъ изъ клѣтки. Залетный попрыгивалъ кругомъ, но, казалось, былъ не совсѣмъ доволенъ.

— Онъ тоскуетъ о свободномъ житьѣ птичекъ,—замѣтила Леночка.

— Кто-же виноватъ, какъ не онъ самъ,— отвѣчала мама,—если-бъ онъ слушался своей мамы, онъ-бы зналъ, что у Кисы когти длинны, и зубы остры, и если она дастъ встрепку птичкѣ, та на цѣлый вѣкъ останется искалѣченной.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ВОЛЬФА

Собрание рассказов и повестей известных русских авторов, — преимущественно из русской жизни и русского быта. Каждая книжка заключает в себя совершенно законченное произведение, отпечатанное на веленовой бумаге четким и ясным шрифтом.

1. Груня. Рассказ Андрея Печерского (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
2. Красный фонарь. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
3. Дуня Перехватова. Рассказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
4. Митина нива. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
5. Звездочка. Рассказъ Клавдин Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
6. Птицеловъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
7. Крестьянская свадьба. Рассказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
8. Мунька. Похоженія одной собаки. Рассказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со мног. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
9. Счастье быть богатымъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
10. Канунъ Рождества. Повесть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
11. Верьы. Рассказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
12. Святый Праздникъ. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
13. Пангеранъ-Пугарь, яванскій охотникъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
14. То—что можно. Рассказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.
15. Петро Акчимъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
16. Семикъ и Троицынъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
17. Ночь на Ивановъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
18. Какъ поймать солнечный лучъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
19. Сувала, доводущий слонъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
20. Гаранька. Рассказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
21. Петрусь Мартынюкъ. Повесть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
22. Чайка. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
23. Бланные индусы. Повесть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
24. Домикъ съ цвѣтами. — Старый садовникъ. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
25. Орландъ. — Поэтъ и соловей. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
26. Выздѣвъ въ деревню. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
27. Воспоминанія моего товарища. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.
28. Доброе слово. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
29. Сюрпризъ. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
30. Наташа Гордѣева. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
31. Друзья. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
32. Шмгэль. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
33. Горькая судьба. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.
34. Промелькнувшее счастье. Рассказъ Клавдин Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.
35. Намецъ и Страшилище. Два рассказа изъ гимназ. и студ. жизни И. Н. Потапенко. Съ рисунками В. Полякова и А. Юмудскаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., В. О., 16 лин., 5—7.